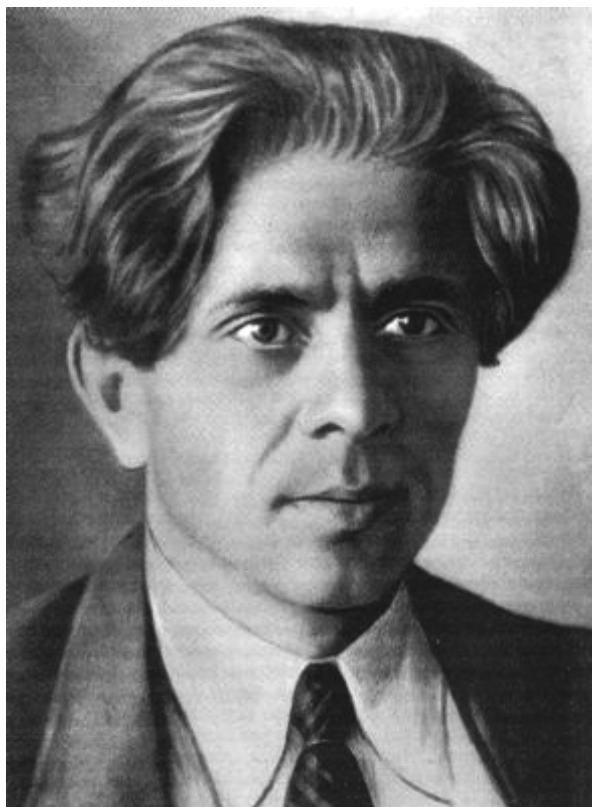

25 лет назад Мордовия отмечала 100-летний юбилей своего знаменитого уроженца Хади Такташа, прошло много ярких мероприятий, было произнесено много эмоциональных слов. Песни, стихи, доклады, чаепития, молитвы, президиумы собраний, сравнения торбеевской деревни Сургодь с Меккой, а самого Такташа – с Пушкиным, Есениным и Маяковским одновременно. Было озвучено и немало проектов. Например, литераторов из Казани возмутило запустение с бурьяном, репейниками и сугробами снега на месте родового дома Такташа. На этом месте казанские литераторы опустились на колени, прочли молитву. И было запланировано именно здесь возродить родовой дом поэта или, в крайнем случае, засадить это место тополями, обвести палисадником и повесить памятную табличку.

Хотя потом по инициативе министров здравоохранения Мордовии Рафаиля Аширова и Татарстана Камиля Зыятдинова и при их активном участии был построен целый музей Хади Такташа. И вот 1 января 2026 года отмечалось 125-летие выдающегося поэта, нашего земляка.

На торжествах двадцать пять лет назад я выступил с докладом. Сейчас привожу некоторые выдержки из этого доклада.

Бывают поэты, феномен которых целесообразнее осмысливать в рамках историко-философского знания, нежели только литературоведческого. Это, как правило, большие поэты, творящие трагические эпохи. Такие поэты обычно появляются тогда, когда умирает одна эпоха и рождается другая. Таких поэтов образно можно назвать поводырями новых эпох.

Бывают поэтами сочинители стихов, но бывают поэтами и целые эпохи. Хади Такташ жил как раз в такое время, был его избранником. И «стихи» этого времени Такташ «переводил» на свой родной язык. Такташ писал такие стихи, какие от него требовала его эпоха. И у него хватало духовной мощи, чтобы подняться до уровня великих эпохальных требований, у него хватало мастерства, чтобы его стихи уверенно входили не только в просвещенные дома, но и в темные лачуги. «Но я иду. А я не кто иной, как злой бунтарь, взволнованный ходатай униженного темного народа» (Здесь и далее переводы Л.Мартынова), – писал Такташ в 1923 году в стихотворении «Бунт».

Хади Такташ – поэт всей евразийской России. «Карабкались на белые березы, чтоб мир увидеть с высоты. И я увидел красоту вселенной; все выше к свету я дорогу брал, а ты, мой милый, не сумел подняться, ты затерялся, ты пропал!..». Так Хади Такташ в стихотворении «Мокамай» обращался к другу детства – сыну бедняка. Нужда часто подталкивала того к воровству. Однажды сельчане заподозрили Мокамая в краже колес от арбы, избили, посадили в подпол, где он от отчаяния и обиды зарезался. Такташ написал о своем жертвенном друге светлую поэму, одно из лучших своих произведений. Поэт сожалел о том, что его лучший друг не пошел за ним, стремившимся к светлым идеалам, в вышину, а остался в социальной трясине, остался в сумерках. Образ Мокамая не покидал Такташа всю жизнь, и это не случайно. Ведь, наверное, трагическая судьба Мокамая ждет и народ, который не идет за поэтами, Богом ему данными, зовущими его к добру, к духовным высотам, к просвещению. И наверное, такая же судьба несчастного Мокамая ждет народ, отвергающий традиции, веру и идеалы своих предков. Я верю, мы не такой народ. Мы не такой народ хотя бы даже потому, что помним Хади Такташа, помним Габдуллу Тукая, помним Мусу Джалиля. У татар есть пословица: «Кого обижают дома, того притесняет мир». Татарский народ умеет чтить своих поэтов, и это тоже помогает ему самосохраняться в истории.

Когда есть поэты, как-то уютнее жить на земле, продуваемой вселенскими ветрами. Нам уютно оттого, что есть Хади Такташ, который вырос на здешней земле, пас отцовскую лошадь на здешних полях, ходил в деревенское медресе, был одним из первых избачей, одним из первых комсомольцев, учительствовал и здесь же начал слагать первые стихи. В буквальном смысле по нашим полям, по нашему родному бездорожью шел в литературу поэт-трибун, соавтор грандиозного романтического мифа.

Как нетленные свитки, из рук самой отечественной истории мы сегодня принимаем «Письма в грядущее», написанные Такташем в 1930-31 гг., уже на закате жизни, посвященные приходу нового человека на обновленную землю. Но что такое новый человек? Ведь не может он явиться с неба, не может он не иметь глубоких исторических корней. Поэтому и символичен в поэтических письмах образ крестьянина Мухтар-бабай, вступающего на поле новой социально-политической реальности. Конечно, его терзают противоречия, однако новизна сельской жизни, коллективизация влекут его сильнее. Мухтар-бабай находится между двух эпох, как между молотом и наковальней, но мы видим, как куется цельный и величественный характер героя нового времени. В поэме немало упоминаний о социализме, коммунизме, партии, коллективизации. Но сегодня мы не имеем права проявлять какое-то высокомерие в отношении этой поэмы, а самое главное – в отношении жизни, отраженной в ней. Мухтар-бабай – это наш родной человек, это наш дед и прадед. Ведь до того, как мы стали образованными, проницательными и сильными, именно Мухтар-бабай, переступив через глубокие привычки единоличника, должен был понять вроде бы простую вещь: «Чтоб не

погибнуть нам поодиночке, мы должны трудиться сообща». Именно поколение Мухтар-бабая должно было начать «трудиться сообща», чтобы потом поднимались гигантские заводы, колхозы, чтобы ракеты поднимались ввысь, и чтобы сама земля поднималась до неба. И именно Мухтар-бабай должен был проявить силу духа, чтобы мы сегодня хотя бы не пали духом.

Хади Такташ не успел завершить свои «Письма в будущее», но даже в трех «письмах» поэмы он сумел выразить то, что хотел. Человеку важно быть единым со своей эпохой и со своим народом. И мы, адресаты этих писем, сегодня не можем впасть в уныние, иначе мы не сможем быть достойными адресатами писем и заветов наших выдающихся предков, иначе нам не о чем будет написать своим потомкам.

Мать Хади Такташа, чтобы покупать маленькому сыну новые и новые книжки, распродала все до единого свои лучшие украшения. Будто чуяло материнское сердце, какой красотой уже для всей земли они обернутся в скором будущем, как они украсят страдальческую душу родного народа.

Родную деревню Сыркыды (Сургодь) Хади Такташ в первый раз покинул в тринадцатилетнем возрасте, направившись по примеру старшего брата на заработки в Туркестан. Но заработать денег, чтобы их хватило на продолжение образования и помощь родителям, ему не удалось. В 1918 году он вернулся в Сыркыды, стал учительствовать, создавал деревенскую библиотеку, одновременно трудился с земляками в поле. И даже это – красноречивая иллюстрация к тому, что народный поэт во всем един со своим народом. Спустя время, уже в 1928 году, в стихотворении «Проездом» Такташ напишет: «Вот они идут – все эти люди, – в рваных шапках, в стоптанных лаптях: все они мне дороги и любы. Я у каждого бывал в гостях – это все хорошие знакомцы! Говорю не их ли языком?..». Их языком говорил Такташ, порыв их сердец он превращал в музыку. «Я самый счастливый, богатый, когда пишу. Потому что тогда я возвращаю читателям богатства, украдкой, за недели собранные в их сердцах, в их глазах, в их лицах», – писал Такташ в автобиографической статье «О себе и других». Говоря о России, я говорю об отцовской земле сотен народов, о стране, которая и задумана Всевышним как родина сотен народов. Я говорю и России, любящей все свои народы, всех своих поэтов, все свои земли. Если на этих землях народы рожают больших поэтов, значит, эти народы жили на этих землях всегда и будут жить на этих землях всегда. И разве Россия не велика еще и тем, что на стольких сущих языках поэты прославляют ее и воспевают ее?

Естественно, несмотря на всю свою природную мудрость, 20-летний Такташ не мог не очароваться атеистическим романтизмом своего времени. И лирический герой стихотворения «Да, постарел я», разбивший окно деревенской мечети и гордый этим, не Богу мстил, а мулле, в котором сельчане давно уже не видели ни духовидца, ни заступника, а напротив – видели своего духовного порабощателя. И трагедия борющегося с Богом Кабила в том, что он, отчаявшись, приписал священному небу всю злобу и лицемерие, существовавшее на земле, хотя они небу, скорее всего, и не принадлежали. Тем не менее, образ Кабила жертвенно-светел. Отрицая Бога и воюя с ним, он в то же время воюет против рабства и унижения, за что вечно и неизменно сражается и Бог. Кабил погибает, но в финале произведения вновь появляется удивительный персонаж – Идея. Она уверенно обещает продолжить кровавую борьбу против унижения человека и произносит пророческие слова: «Пусть в небесах есть владыка кровавый, здесь, на земле, есть владыка другой». В том-то, видимо, и дело, что

высшая сила добра землю никогда и не покидала. Потому и благословенны революционные поэты, что они защищали именно высшую силу добра. Кстати, эта Идея, пронзая художественно-философское пространство всей мировой культуры, переходила из одной поэмы в другую, из одного манифеста в другой, от одного народа к другому, жива до сих пор.

Для поэзии Такташа характерна искренность и открытость. Потому и любит Такташа народ. Потому и любит Такташа земля. Земля белых берез и тополей, влюбленных в березы. Эта удивительная земля из стихотворения «Проездом», возможно, уже подзабыла некоторые из публицистических стихов Такташа, но она наизусть знает строки о себе: «Ах! Любил не слишком ли я жадно? Землю и цветы я целовал? Каждую подростковую березку к тополи-джигиту ревновал...».

Камиль Тангалычев